

УДК 821.161.1-2 (Коляда Н.) ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,446

Новая пьеса Н. В. Коляды «Дыроватый камень» (комедия), июль, 2014, с. Логиново

Н. А. Непомнящих
Новосибирск, Россия

Аннотация. В рецензии дан отзыв на новую пьесу Н. В. Коляды «Дыроватый камень», рассмотрены литературные аллюзии и роль цитат в тексте.

Ключевые слова: Н. В. Коляда, уральская драматургия, образы мух в литературе, цитата, реминисценция, аллюзия.

N. A. NEPOMNIASHCHIN. *A new play of N. V. Kolyada "Dyrovatyi Kamen'" (comedy), July, 2014, p. Loginovo*

Abstract. In a review of a review is given on the new play of N. V. Kolyada «Dyrovatyi kamen'», considered literary allusions and quotations in the text part.

Keywords: N. V. Kolyada, Ural drama, images of fly in literature, quote, reminiscence, allusion.

Новая пьеса Н. В. Коляды была написана в течение этого лета в Логиново, и уже в начале августа она была опубликована на персональном сайте драматурга в свободном доступе. Название «Дыроватый камень» породило множество ассоциаций у читателей и почитателей творчества Н. В. Коляды. Кто-то из первых читателей в комментариях сразу вспомнил похожую достопримечательность в окрестностях Екатеринбурга, однако в пьесе точность местоположения камня, а также места действия не имеет особого значения. Как и во многих пьесах драматурга место весьма условно, по сути, всё происходящее может быть где угодно, а в лице персонажей Коляды приоткрывается «вся Россия» не просто в провинциальном ли, столичном ли ее изводе, — но прежде всего в человеческом.

Начинается пьеса описанием типового дачного поселка: «У домиков стоят многолетние яблони, они наклонили тяжелые ветки с яблоками, еще тут — кусты смородины и крыжовника, грядки с клубникой, луком и морковкой, а еще — старые теплицы, в которых зреют помидоры и огурцы, а рядом с теплицами — кучи компоста. Возле домов поленицы дров, бочки с дождевой водой. На каждом участке насос, чтобы качать воду для поливки. У домов ярко горят осенние цветы. Дачные участки отделены от леса забором, в заборе калитки, чтобы ходить в лес за грибами и ягодами. Будний день и в домиках пусто. Провода высоковольтной линии прогнулись низко-низко и угрожающе гудят. Время от времени тихо падают яблоки в траву. Какие-то птицы пролетают стайками» [Коляда 2014]¹. Если бы не указание на кучи компоста и гудящие провода высоковольтной линии, напоминающие о прозе жизни, картинку можно было бы счесть идиллической: «Вот и этот дом, как все,

¹ Текст пьесы цитируется по этому источнику с личного разрешения автора.

ничего необычного. В доме две маленькие комнатки, веранда, баня — всё под одной покатой зеленой крышей. У веранды стоит старая рябина с красными ягодами, рябина упирается стволом и ветками в крышу, качается на ветру и скрипит, будто плачет и жалуется. В доме на веранде открыты три окна, но всю веранду и окна облепило растение под названием «Девичий виноград» и почти ничего не видно из окон. У Девичьего винограда широкие листья, по-осеннему ярко-красные и зеленые, длинные цепкие побеги, ухватившие каждый выступ и бугорок на досках. Крепко-крепко прижалось растение к веранде. На веранде какие-то травы сушатся под потолком, стоит широкая кровать, рядом с ней газовая плита, а еще тут — стол круглый, старый, прочный, а возле стола четыре стула. В углу пачка старых газет. Старое зеркало висит на стене. Утро, а на веранде темно и горит лампочка под потолком». Дальше — описание главной героини. Вступление к пьесе кинематографично: сперва дальние планы — домики, провода, теплицы, кусты и грядки, потом предстает дом в подробностях, и все ближе, ближе — веранда, сама героиня.

Время предосенней красоты, увядающей природы, в самой лучшей ее поре, когда еще не зарядили дожди, и героям до сих пор почему-то нужно поливать огород. Возможно, это конец августа или начало сентября. Подробными картинками, в деталях говорящими о предстоящем действии, драматург явно нарушает собственные советы и заветы не помогать режиссеру, не рассказывать ему слишком много о месте и обстоятельствах действия, не решать за него постановочных задач. Однако тут Коляда-драматург скорее всего работает на Коляду-режиссера, а этим двоим вполне уже можно пренебречь советами для начинающих. Герои пьесы, как всегда в пьесах Коляды, самые обыкновенные, заурядные люди, простые, как еще любят говорить многие, обыватели, одним словом. Три пенсионерки, бывшие учительницы, и единственный мужчина, этакий «герой-любовник», бывший скрипач из театрального оркестра. Место действия — осенняя дача одной из подруг.

На первый взгляд, никакого особого динамичного действия в пьесе нет: каждая завязывающаяся интрига обрывается самым прозаическим образом: так, выясняется, что Наталья вовсе не готовит покушения на свою свекровь посредством рассыпанных по дому «белых порошков», а боязнь и неприязнь свекрови к невестке, работающей на рынке, чтоб содержать себя, дочь и ту же свекровь уже после развода с ее беспутным сыном, не более, чем очередной «закидон» вредной бабули. Внезапно падающий герой избегнул серьезных последствий сердечного приступа,

самое плохое, что случилось — он испортил свою красивую рубашку в полоску, которая «стройнит», — протекла ручка в кармане и теперь там чернильное пятно. Не символ ли то «дырки в сердце»? Черного зияющего отверстия, откуда утекают и жизненная сила, и радость, и что-то еще, столь же невосполнимое. Впрочем, рубашек в доме достаточно, замену находят тут же.

В пьесе два основных лейтмотива: девичий виноград, обвинивший стены дачи, о котором все что-то говорят и который героиня в порыве обрывает со стен в финале первого действия, а также мухи, надоедливые осенние мухи, слетевшиеся к вишневому варенью на плитке. Мух все периодически бьют свернутыми газетами. Вспоминаются невольно апухтинские строки: «Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою, жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою...» Лирический герой тщится скрыться от назойливых мух:

...Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадет, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!
[Апухтин 1985: 142]

Однако и ночь не приносит ему облегчения, мухи оборачиваются горькими и не менее навязчивыми мыслями:

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впиалась другая, —
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнее и
больше...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!
[Там же]

Сквозной мотив мух в пьесе выглядит как реминисценция, как напоминание о «Мухах» А. Н. Апухтина, в отдельные моменты герой в остервенении лупит мух, объясняя свои действия просто: «Они меня бесят!». Однако внутреннее его состояние скорее исполнено грусти, нежели невымещенной агрессии. За ним начинают повторять другие и, гоняясь за мухами, все четверо, словно отгоняют от себя любую возможность остановиться, подумать, поговорить всерьез. Уместно вспомнить и присовокупить путем литературных ассоциаций обыгранные И. Ф. Анненским образы тех самых апухтинских строк в стихотворении: «Мухи как мысли»:

...Я хотел бы распутать узлы...
Неужели там только ошибки?

Поздней осенью мухи так злы,
И холодные крылья так липки.
Мухи-мысли ползут, как во сне,
Вот бумагу покрыли, чернея,
О, как мертвые, гадки оне...
Разорви их, сожги их скорее.
[Анненский 1988: 56]

Здесь появляется мотив творческих мучений, исканий, неудовлетворенности. Не бумагу, но рубашку в пьесе пачкает черное чернильное пятно, оно возникает в том месте, где сердце. Одна из героинь восклицает даже: «Черное сердце!». Что это? — Сердце, исполненное печали? Сердце с дыроу? — той, что болит, ведь не камень! Может быть, автор пьесы посредством аллюзии, скрытно, лишь намекая, говорит о самом процессе творчества, о том, как буквы ползут по бумаге, словно мухи... Как навязчивы идеи и мысли, пока они не выплеснуты на бумагу? Как потом, возможно, автор не вполне доволен результатом? Может, недаром Коляда сообщает, что пишет свои пьесы от руки и лишь потом набирает их на компьютере? — Мухи давно в литературе перестали быть лишь вредными насекомыми.

У Коляды есть такая «фишка», прием, как вложение в речь персонажей известных цитат в искаженном или сниженном виде таким образом, что даже серьезные высказывания вдруг приобретают комический оттенок. Например, иронически воспринимаются другими персонажами (и залом) цитаты из Ахматовой и Цветаевой в речи Сары («Баба Шанель»), этим цитированием, (а на сцене — декламацией) сразу рельефно слеплен узнаваемый тип дамы послебальзаковского возраста, что играет в жизни, «строит из себя» некий экзальтированно-рафинированный образ книжной девы для окружающих. И тут тоже героиня не может без цветаевской цитаты: «Мне и донныне хочется грызть терпкой рябины толстую кисть...». Другие поправляют, мол, «горькую», но дело вовсе не в том, насколько верно она цитирует. Никто не слушает сути сказанного, всем хочется показать, что они знают, как надо! Сколько советов дано героине, сколько слов сказано о том, что всё на свете она делает не так, как нужно, что она ничего не умеет. А для нее мир выглядит совсем иначе, она хочет свою долю радости, она ждет своего отставного скрипача и счастлива эти три дня. Она готова разделить свое внезапное краткосрочное счастье с такими же, как она, подругами, но те лишь подшучивают, ругают, не воспринимают всерьез. Создается эффект, подобный эффекту чеховского «Вишневого сада»: «диалог глухих» друг к другу людей, говорящих-говорящих, но совсем не желающих слышать. Перелом будет, он

связан с одним из признаний героя, скидывающего с себя напускную маску. Но удастся ли то же самое другим? — Истинное действие оказывается динамикой психологического состояния героев, сменой их настроения, мыслей, масок, в конечном счете, поведения в результате столкновения друг с другом, и подводное течение пьесы диктуется именно этой предельной психологической наполненностью.

И это тоже одна из отличительных особенностей произведений Н. В. Коляды. Подобным эффектом обладают и наиболее известные пьесы драматурга — «Старая зайчиха», «Всеобъемлюще». То есть там обычно сидят, говорят и даже особо по сцене-то не ходят. Ну, по крайней мере, когда текст читаешь, так кажется, потому что это там вовсе не обязательно. Например, вот «Всеобъемлюще». Сидят две пожилых отставных актрисы в пустом театре и разговаривают. Не о смысле жизни, а так, косточки коллегам перемывают, ругаются друг с дружкой, потом советами делятся по хозяйству еще, и всё вперемешку, как в жизни. Но настроение, эмоциональное воздействие на читателя всю пьесу идет по нарастающей, чтобы в финале прямо-таки оглушить каким-то невероятным душевным всплеском. И хочется жить, очень-очень. И этот «заряд» не проходит на следующий день, а остается в тебе светлым и теплым огоньком, о котором вот так вспомнишь невзначай и думаешь: «А жить-то — хорошо!». Светлое «послевкусие» колядовских текстов и спектаклей заложено в них изначально добрым и проникновенным отношением к герою, такому комично-смешному, неловкому, когда речь идет о том самом главном, от чего в жизни за варкой варенья, поливкой огорода, фотографированием окрестностей, руганью с невесткой и прочая и прочая, многие стремятся бежать, о чем предпочитают не задумываться, а оно вдруг берет и настигает.

Невозможно обойти мастерское владение словом, в пьесах Коляды даже брань персонажей выглядит вполне органично. Он не злоупотребляет сим сильным и экспрессивным средством выразительности, крепкие словечки единичны и всегда уместны. А как еще показать «богатый внутренний мир» отдельных персонажей? — Ведь можно много о них рассуждать, а можно вложить в их уста одно-два словечка — и портрет завершен. Герой замечает одной из героинь, что не может поверить в то, что она была учительницей, так, мол, ругается! Неужели никто в жизни таких «двуязычных» не встречал: «правильных» на своем служебном месте и совершенно иных и развязных — вне его? В новой пьесе цитат много. Некоторые уже стали расхожими, как поговорки, как фразеологизмы, а герои всё спорят с известными словами: «В Москву,

в Москву, в Москву! Да бред! Сели бы в поезд да поехали. Какого черта нить?!». Иногда привычное и клишированное начинает звучать в устах персонажа как горькая ироничная лирика, как ощущение абсурдности данного момента, себя в нем: «И вот мы здесь. Зачем? Кто виноват? Что делать? Доедет ли это колесо до Казани?». Или вот еще: «И так мне погано, как будто в двадцатом году под дулом нагана бандитского в балку иду...»

Вроде бы ни о чем значительном собравшиеся за столом на веранде осенней дачи не говорят, ругаются меж собою, чушь откровенную несут порой, а ведь опять, как всегда у Коляды, растворенные во всем и повсюду, во всей ткани пьесы, проявляются в сознании читающего мысли о чем-то самом главном, о том, для чего живем, зачем, почему мы такие, какие есть, не слишком счастливые порою, всё ждущие исполнений каких-то несбыточных желаний. Такие обыкновенные, но и странные люди среди красоты мира — обвившего всё девичьего винограда, осеннего леса, дыроватого камня. О чем же пьеса? — О том, как всем хочется любви, и о том, как желание быть любимым, нужным, как и тоска по теплу, нежности, с годами не проходят, а лишь усиливаются.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Непомнящих Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН.
Адрес: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8
Эл. почта: alkat@ngs.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Alexeevna Nepomniaschih is a Candidate of Philology, Leading scientist of the Philology Research Institute of the Siberian Branch of Russian Academy of Science.

Вспоминается грустная и светлая известная мелодия: «Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать!» И если это «комедия», как определяет жанр автор, то в духе «Вишневого сада».

А сам дыроватый камень, к которому обязательно обещает сходить герой в пьесе, не показан, но именно он освящает и освещает пространство пьесы символическим светом несбывшихся надежд и загаданных желаний. Он, как и положено архетипическим «центрам», организует хаотическое метание участников действия вокруг центральной мысли о жизни, раздумий о ее ценности в наших глазах, умении понять самого себя и не бояться собственных желаний.

ЛИТЕРАТУРА

Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л., 1988.

Апхтин А. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. М., 1985.

Коляда Н. В. «Дыроватый камень» // Н. В. Коляда. Персональный сайт. Режим доступа: <http://kolyada.uq.ru> (дата обращения: 11.08.2014).